

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Дипломатия и международные отношения: вступительное испытание и кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 70 вопросов перечня кафедры дипломатии для испытания «вступительное испытание в аспирантуру и кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики», кафедра дипломатии

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру и кандидатский экзамен по специальной дисциплине

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ · ВОПРОС D17 · ДЕМО

Дипломатия «мягкой силы»

■ Понятие

- Дж. Най: способность добиваться цели через привлекательность, а не принуждение; ресурсы — культура, ценности, внешняя политика;
- публичная дипломатия (термин Э. Гуллиона, 1965) — главный инструментарий стратегии «мягкой силы»;
- критика Н. Фергюсона: «бархатная перчатка, скрывающая железную руку» — эффект даёт только опора на жёсткую силу.

■ Российская практика

- термин введён в Концепции внешней политики 2013 г. с оговоркой о риске давления, в 2016 г. — без неё; Доктрина информбезопасности термин не использует;
- институты: Фонд Горчакова, Россотрудничество (~80 представительств), РСМД, клуб «Валдай»;
- Лебедева (2021): у РФ нет единого координационного центра «мягкой силы».

■ Инструменты и медиа

- RT (с 2005 г., 4 языка) и МИА «Россия сегодня» — вещание на десятках языков;
- с марта 2022 г. вещание RT и Sputnik в ЕС запрещено, суд ЕС в 2026 г. подтвердил законность запрета и разрешил преследовать за репосты;
- Россотрудничество с апреля 2026 г. возглавил И. Чайка, неформальный бренд — «Русский дом».

■ Зарубежные модели

- США: Комитет Крила (1917), «Голос Америки», ~70 ведомств, «трансформационная дипломатия» К. Райс;
- Китай: институты Конфуция (с 2004 г., в США сократились с ~100 до <5); кейс Carrefour (2008) — умная сила требует согласованности;
- НАТО ставит «мягкую силу» на первое место среди новых инструментов, работает с молодёжью и НПО.

■ Рейтинги и пределы

- Global Soft Power Index 2026: Россия — 14-е место (рост за счёт Азии и Латинской Америки при опоре на военную заметность);
- риск без границ: Т. Алексеева о Германии и миграции 2015–2016 гг.; Хасбара Израиля (2008–2009) — провал без координации.

■ Итог

- «мягкая» и «жёсткая» сила всё чаще неразделимы — «умная сила» как их сочетание;
- успех измеряется не бюджетом, а согласованностью институтов и достоверностью месседжа.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: от пропаганды к привлекательности

Понятие «мягкая сила» (soft power) ввёл в научный оборот американский политолог Джозеф Най в начале 1990-х годов как альтернативу традиционному представлению о силе государства, которое сводило её к военной и экономической мощи. Най определил «мягкую силу» как способность добиваться желаемых результатов не через принуждение или подкуп, а через привлекательность — когда другая сторона добровольно перенимает ценности, модель поведения или позицию, потому что находит их желательными. Ресурсами такой привлекательности выступают культура, политические ценности и характер внешней политики государства. Теоретическую базу подхода заложили ещё раньше Най и Роберт Кеохейн как часть неолиберальной критики политического реализма: они усомнились в том, что интересы государств автоматически определяют сотрудничество или конфликт, и предложили учитывать культурно-цивилизационные нормы наравне с прагматичным расчётом силы.

Инструментом, через который «мягкая сила» реализуется на практике, стала публичная дипломатия — понятие, которое ещё в 1965 году предложил американский дипломат Эдвард Гуллион, декан Флетчеровской школы права и дипломатии при Университете Тафта. Он определил её как деятельность правительства по продвижению национальных интересов за рубежом через прямое взаимодействие с населением других государств — в отличие от классической дипломатии, которая работает с иностранными правительствами.

В период холодной войны публичная дипломатия по сути была информационной пропагандой против идеологического противника; к концу XX века она сместилась к более мягкой концепции формирования позитивного образа страны. В русском языке термин публичная дипломатия часто путают с общественной дипломатией: первая политически нагружена и ведётся государственными и окологосударственными структурами, вторая — это контакты в науке и культуре без прямой политической цели, наподобие участия российского кино в Каннском или Венецианском фестивалях.

■ Теоретические споры вокруг концепции

Признание концепции Ная не было единодушным. Британский историк Ниал Фергюсон назвал «мягкую силу» «бархатной перчаткой, скрывающей железную руку», связывая её с имперской политикой, движущей силой которой в конечном счёте остаётся сила жёсткая. Схожую мысль высказывал американский исследователь Харви Сичерман: успех дипломатических усилий, по его словам, обеспечен только тогда, когда за спиной стоит «тень вооружённых сил». Именно из этой критики выросла концепция «умной силы» (smart power) — осознанного сочетания жёсткого и мягкого инструментария, авторство которой историки относят одновременно к Наю и к американской журналистке Сьюзан Носсел, опубликовавшей статью с этим названием в *Foreign Affairs* в 2004 году.

В российской науке сложилось несколько конкурирующих трактовок понятия. Первая заимствует теорию Ная напрямую, адаптируя её под национальные ценности. Вторая сближает «мягкую силу» с публичной дипломатией негосударственных акторов — в этом контексте часто приводят пример Ватикана и Русской православной церкви как инструментов продвижения ценностей без государственного аппарата принуждения. Третья трактовка отождествляет «мягкую силу» с информационно-психологическим воздействием, вплоть до информационных операций. Четвёртая рассматривает её как разновидность жёсткой силы в мягкой обёртке — так расценивали, например, действия западных стран вокруг кризиса в Югославии. Эта разноголосица показывает, что единого понимания термина в отечественной науке пока не сложилось, а сама категория остаётся предметом дискуссии, а не общепринятой аксиомой.

Отдельно стоит понятийная пара источников влияния по Наю: внутренний источник — это привлекательность модели социально-экономического развития самой страны, внешний — набор инструментов воздействия на общественное мнение за рубежом. По его же приоритизации, культура как ресурс значит больше, чем политические ценности, а ценности — больше, чем сама внешняя политика государства. Иначе расставляет акценты российский дипломат К. И. Косачев, сравнивая западный и китайский подходы: если западная модель использует жёсткую и мягкую силу как сумму слагаемых, где обнуление одного не разрушает всю конструкцию, то китайская модель работает как произведение множителей — обнуление одного компонента (например, репутационные издержки от жёсткой политики) обнуляет весь эффект. Это различие объясняет,

почему одни и те же внешнеполитические действия воспринимаются по-разному в разных культурных традициях анализа силы.

■ Российская практика: институты и эволюция доктрины

В официальных документах России понятие «мягкая сила» появилось лишь в 2013 году, в Концепции внешней политики РФ, — что примечательно само по себе, поскольку это был редкий случай, когда сформулированная в рамках англосаксонской науки категория была прямо заимствована в российской государственной практике. При этом формулировка 2013 года содержала явную оговорку о риске использования «мягкой силы» «в целях оказания политического давления на суверенные государства... манипулирования общественным мнением». В Концепции 2016 года термин переместился раньше по тексту и утратил эту негативную коннотацию, а формулировка «публичная дипломатия», использовавшаяся в 2013 году, была заменена на «общественную дипломатию» с добавлением пункта о расширении участия научного и экспертного сообщества в диалоге с иностранными специалистами. Показательно, что принятая позже, в декабре 2016 года, Доктрина информационной безопасности вообще не использует ни термин «мягкая сила», ни «публичная дипломатия» — это расхождение между документами одного периода отражает институциональную незавершённость самого понятия в российской нормативной базе. Определение, которое дал термину Президент России в 2012 году, — «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счёт информационных и других рычагов воздействия» — смещает акцент с привлекательности (как у Ная) на инструментарий воздействия, что само по себе показывает разницу в понимании понятия на уровне российского и американского политического дискурса.

Институциональная инфраструктура российской публичной дипломатии выстраивалась постепенно. В начале 2010 года МИД России учредил Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова с попечительским советом во главе с министром иностранных дел; приоритетами фонда обозначены пространство ЕАЭС, Евро-Атлантика, Азиатско-Тихоокеанский регион, БРИКС и ШОС, Ближний Восток, Балканы, площадки ООН, ОБСЕ и Совета Европы. В том же 2010 году был создан Российский совет по международным делам, который занимается поддержкой международных исследовательских программ и подготовкой экспертных кадров. Дискуссионный клуб «Валдай» с 2014 года заявил цель не просто рассказывать о России зарубежной аудитории, а участвовать в решении реальных международных проблем. Базовым институтом культурной дипломатии остаётся Россотрудничество, созданное в 2008 году в структуре МИД: на момент наиболее полного описания в источниках у него было около 80–91 представительства в 79 странах, а его корни восходят к Всесоюзному обществу культурных связей за границей первой четверти XX века, среди первых участников которого были Дмитрий Шостакович, Владимир Маяковский и Сергей Эйзенштейн. По состоянию на 2026 год агентство возглавляет Игорь

Чайка, назначенный в апреле того же года, а неформальным брендом ведомства, по итогам конкурса среди соотечественников, стало название «Русский дом» — при этом официальное юридическое наименование Россотрудничество сохранено.

Медийный контур включает телеканал Russia Today, вещающий на английском с 2005 года, с 2007 года — на арабском, с 2014-го — на испанском, и международное агентство «Россия сегодня» с радиовещанием и новостными лентами на нескольких языках. Оценка автора профильного учебника (2021 год) была прямой: в России на тот момент не было чёткого понимания метода «мягкой силы» и единого координационного центра, который увязывал бы работу МИД, Россотрудничества, фонда Горчакова, РСМД и профильных НКО в общую стратегию. Это системное ограничение стало заметнее после 2022 года: с марта того же года Совет ЕС ввёл санкции против RT и агентства Sputnik, полностью запретив их вещание на территории Евросоюза как инструмент «пропагандистской кампании» в связи с конфликтом на Украине; в мае 2024 года запрет был распространён на РИА Новости, «Известия» и «Российскую газету». Летом 2026 года Суд Евросоюза не только оставил в силе запрет на вещание RT в Германии, но и подтвердил законность преследования физических лиц за ретрансляцию и репосты материалов канала — даже без получения за это вознаграждения. Иными словами, инструмент, который создавался как канал привлекательности, на европейском направлении перешёл в режим прямого юридического ограничения, а не просто информационной конкуренции.

■ Зарубежные модели: США, Китай, НАТО

Историческим первопроходцем институционализации публичной дипломатии считаются США. Комитет по общественной информации, созданный президентом Вудро Вильсоном в 1917 году под руководством Джорджа Крила, получил после вступления страны в Первую мировую войну мандат на работу с зарубежной аудиторией и объединял до 150 тысяч сотрудников; его лозунгом была «борьба за сердца и умы человечества». Политика добрососедства Франклина Рузвельта 1933 года стала ответом на культурную экспансию Германии в Латинской Америке. В годы холодной войны ключевым инструментом было радиовещание «Голос Америки», запущенное после Пёрл-Харбора, а также программы обучения военных и демократизации союзников. После 1991 года публичная дипломатия США переключилась на реформирование стран бывшего восточного блока и на поддержку «цветных революций», а с рубежа 2009–2010 годов добавилось направление цифровой дипломатии. Сегодня американскую публичную дипломатию курируют порядка 70 государственных и негосударственных организаций на трёх уровнях — стратегическом (президент, Совет национальной безопасности, Госдепартамент), политическом (региональные отделы Госдепа, Агентство международного развития) и контролирующем (комитеты Конгресса, Счётная палата). Идея «трансформационной дипломатии», сформулированная госсекретарём Кондолизой Райс в выступлении в Джорджтаунском университете в 2006 году, ставила прямой целью «покончить с тиранией в

нашем мире» и потребовала от дипломатической службы расширить присутствие в проблемных регионах — Китае, Индии, Бразилии, Египте, Нигерии, Индонезии, ЮАР, Ливане — и обязательного знания двух иностранных языков.

Опыт Китая интересен тем, что страна сознательно избегала силовой риторики: ещё в 1998 году официальный английский перевод названия Отдела пропаганды ЦК КПК был заменён на «Департамент по общественным делам» именно ради снятия негативных ассоциаций со словом «пропаганда» — при этом внутреннее китайское название осталось прежним. С 2004 года по всему миру создавались институты Конфуция — аналог испанского Института Сервантеса или германского Гёте-Института, ориентированные на продвижение китайского языка и культуры. Эта сеть столкнулась с системной критикой за цензурирование неудобных тем: в 2014 году на конференции Европейской ассоциации китаеведения представителя от института потребовали цензурировать статью тайваньского автора. Политическое давление в США оказалось решающим: после того как в 2018 году Конгресс ограничил федеральное финансирование университетов с такими институтами, их число на американских кампусах сократилось со ста с лишним до менее пяти к середине 2020-х годов. Классическим кейсом, иллюстрирующим предел эффективности китайской «мягкой силы» без должной координации, остаётся инцидент вокруг сети Carrefour в 2008 году: после протестов в Тибете и неудачного тушения олимпийского факела в Париже в китайском сегменте интернета началась кампания бойкота французских товаров, символом которой стала именно французская торговая сеть — эмоционально мотивированные протесты граждан, рациональная и запоздалая реакция самого Carrefour и управляемая правительством эскалация и деэскалация показали, что успешное использование инструментов «умной силы» требует одновременной согласованности действий разных акторов, а не только одного из них.

НАТО, в отличие от классических примеров публичной дипломатии отдельных государств, демонстрирует институционализацию «мягкой силы» на уровне военно-политического блока. По оценке исследователей, альянс ставит инструменты мягкого влияния на первое место среди новых направлений своей деятельности, стремясь через них оправдать применение жёсткой силы, — эту логику точно выразил профессор Университета Южной Калифорнии Филип Сейб, отметивший, что НАТО должно проводить своё влияние через «мягкие формы», чтобы обосновать легитимность силового потенциала. Приоритетной аудиторией остаётся молодёжь: организация ведёт стипендиальные программы, летние школы (пример — совместная программа в Словакии и на Украине по подготовке специалистов европейской и евроатлантической интеграции) и объединяет партнёрские структуры в сеть «Молодая сеть НАТО»; параллельно Департамент публичной политики альянса финансирует гранты для НПО, университетских и научных центров.

■ Ограничения и риски инструмента

Практика показывает, что «мягкая сила» не работает автоматически и не универсальна: один и тот же ресурс может быть привлекателен для одной аудитории и безразличен для другой. Показательный пример — российское медицинское образование, которое остаётся привлекательным для абитуриентов из Индии благодаря соотношению цены и качества, но не находит спроса у жителей Европы и США, ориентированных на дорогое и технически оснащённое образование. Инструмент способен работать и во вред своему носителю: российский исследователь Т. А. Алексеева отмечала на примере Германии, что репутация социального государства, дружелюбного к иностранцам, стала одним из факторов, определивших, что именно туда в 2015–2016 годах устремился основной поток беженцев с Ближнего Востока — «мягкая сила» способна вселить в руководство страны ложное чувство безопасности относительно последствий собственной открытости.

Не менее показателен провал публичной дипломатии Израиля во время Второй ливанской войны 2006 года: официальная комиссия по расследованию (комиссия Элияху Винограда) зафиксировала отсутствие «культурной компетенции» у израильских представителей и несогласованность заявлений разных ведомств. Их риторика строилась на логике «мифов и фактов», тогда как противостоящая пропаганда «Хезболлы» апеллировала к эмоциям аудитории — специалисты называют это «ошибкой разъяснения»: убедительное изложение фактов проигрывает эмоциональному нарративу, если аудитория настроена на сопереживание, а не на рациональную аргументацию. Схожая проблема проявилась и в операции «Литой свинец» 2008–2009 годов, когда информационная блокада сектора Газа для прессы привела к тому, что комиссия ООН под руководством Ричарда Голдстоуна осудила непропорциональное применение силы, — притом что Израиль параллельно развивал и позитивные проекты, такие как школьные курсы онлайн-дипломатии и программу «We are all ambassadors» для выезжающих за рубеж студентов.

Отдельный риск — подмена содержательной работы количественными показателями. Рейтинг Global Soft Power Index, который с 2015 года публикует британская консалтинговая компания Brand Finance, в 2026 году поставил Россию на 14-е место с ростом на две позиции по сравнению с предыдущим годом — это заметный подъём относительно показателей второй половины 2010-х годов, когда страна впервые попала в топ-30 конкурентного рейтинга Portland (27-е место в 2016 году, 26-е — в 2017-м). При этом составители отмечают, что рост восприятия России связан прежде всего с военной заметностью и активной внешней политикой, а также с улучшением оценок в Китае и на развивающихся рынках Азии и Латинской Америки — Индии, Индонезии, Вьетнаме, Таиланде, Бразилии, — а не с ростом привлекательности в классическом понимании. Ная, что подтверждает вывод о размывании границы между «мягкой» и «жёсткой» силой как общей тенденции последнего десятилетия.

■ Итоги и значение

Концепция «мягкой силы» и её главный инструмент — публичная дипломатия — прошли путь от узкой академической категории конца холодной войны до

общепринятого элемента внешнеполитического инструментария ведущих государств и блоков. При этом сама концепция остаётся предметом теоретического спора: одни исследователи видят в ней самостоятельную альтернативу принуждению, другие — лишь прикрытие для более жёстких методов. Практика последних лет — усиление санкционных ограничений против российских СМИ в Евросоюзе, сокращение сети институтов Конфуция в США, институциональная перестройка Россотрудничества — показывает, что публичная дипломатия развивается не линейно, а в постоянном взаимодействии с политической конъюнктурой, и её эффективность определяется не объёмом вложенных ресурсов, а согласованностью институтов и достоверностью транслируемого образа. Для российской дипломатической практики ключевым остаётся именно вопрос координации: при заметной институциональной инфраструктуре (Россотрудничество, фонд Горчакова, РСМД, «Валдай») стратегического центра, объединяющего усилия министерств и ведомств в единую линию, по оценке специалистов, пока не сложилось — а без такой координации даже качественные отдельные проекты не складываются в устойчивый образ страны за рубежом.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Дипломатия и международные отношения: вступительное испытание и кандидатский экзамен» — 70 вопросов перечня кафедры дипломатии для испытания «вступительное испытание в аспирантуру и кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.